

ЗАПАХ ЯБЛОЧНОГО ШАМПУНЯ

*Повесть о гонениях
Свидетелей Иеговы
в России*

Р О У Э Н П А Р К Е Р

«Запах яблочного шампуня»

Роуэн Паркер

Оглавление

Пролог

Глава 1. Запах дома

Глава 2. Дверь, которой не было

Глава 3. Казенный дом

Глава 4. Пропась

Глава 5. От слова к трагедии

Эпилог. Тишина

Пролог

Из дневника. Голос первый.

Я до сих пор вздрагиваю от громкого стука в дверь. Любого. Даже если жду гостей.

Тело помнит.

Тот стук был другим. Он не стучал, он выламывал. Наш мир. До него от маминых волос пахло яблочным шампунем, а по воскресеньям пирогами. После него только гарью и страхом.

Черные сапоги на нашем светлом полу. Много. Мамин тихий крик, который она пытается проглотить. Руки отца в наручниках за спиной.

Слово «сектанты». Холодное. Липкое. Им нас клеймили. Им нас били.

Нас разделили на перроне. Я видела его лицо в окне уходящей машины. Брата. Он не плакал. Просто смотрел.

Он еще помнит, как папа смеялся?

Мне было восемь. В тот день я разучилась молиться. И разучилась ждать. Ждать, что кто-то придет. Что кто-то спасет.

Глава 1. Запах дома

Из монолога матери:

Я помню, как свет ложился на их подушки. Утром. Солнце пробиралось через занавески и рисовало на стене полосы. Они еще спали, и в комнате стояла тишина, пахнувшая молоком и сном. Сын всегда спал, раскинув руки, будто хотел обнять весь мир. А дочка... она поджимала под себя ножки, как маленький птенец. Я стояла на пороге и боялась дышать, чтобы не спугнуть это мгновение. Счастье ведь тихое. Оно пахнет детскими волосами, яблочным шампунем. Свежевыстиранным бельем.

В нашем доме всегда чем-то пахло. Пирогам по субботам. Муж приносил с мороза запах снега и дерева, он любил мастерить что-то во дворе. По вечерам, когда я читала им книжки, страницы пахли старой бумагой и волшебством. Дочка любила, когда я читала ей на ночь, обняв ее. Она зарывалась носом мне в плечо и тихо сопела. «Еще страничку, мамочка...» Ее голос был тоненький, как ручеек.

Жизнь была похожа на реку. Спокойную, полноводную. У нас была хорошая работа, дом полная чаша. У детей были друзья, велосипеды. Вечерами мы ужинали все вместе. Обязательно. Это был наш ритуал. Говорили о школе, о работе, о пустяках. Муж рассказывал смешные истории, дети хохотали, заливисто, до икоты. И я смотрела на них и думала: «Господи, спасибо».

Раз в неделю мы ходили на собрание. Для нас это не было чем-то особенным или странным. Это было как пойти в гости к родным. Там мы говорили о Боге. О том, как жить правильно, по совести. Никто не кричал, не пугал адом. Наоборот. После этих встреч на душе становилось светло. Будто кто-то зажег внутри лампу. Мы возвращались домой умиротворенные. И эта тихая радость, эта надежда она была частью нашего дома. Частью его запаха.

Из монолога отца:

Они были как два сообщника. Он что-то строгал, маленький, серьезный, а она сидела рядом и смотрела, затаив дыхание. Я спрашивал: «Помогаешь?» А она кивала с таким важным видом, будто от нее зависел исход дела. Подавала ему гвоздики, которые тут же роняла. А он не сердился, поднимал. Они были одним целым.

Иногда я возвращался с работы, а они строили крепость из стульев и одеял. Весь дом вверх дном, а они сидят внутри, шепчутся. И такой мир в их глазах... ради этого стоило жить. Я не знаю, как это объяснить... Я смотрел на них, на жену, которая хлопотала на кухне, и чувствовал себя... на своем месте. Правильном. Будто вся Вселенная сошлась в этой одной точке, в нашем доме.

Мы были верующими. Свидетелями Иеговы. Для меня вера — это не про запреты. Это про любовь. Про то, что нельзя делать другому зла. Про то, что нужно быть честным. Перед Богом, перед собой. Мы учили этому детей. Не словами, а просто... жили так. Не убивай, не кради, люби ближнего. Что в этом плохого? Мы никому не мешали. Платили налоги, здоровались с соседями. В нашем доме никогда не звучало матерного слова, никогда не было крика. Только смех.

Я помню, как мы готовились к ее дню рождения. Восьмому. Она заказала торт с принцессой. И новое платье. Розовое, как зефир. Она кружилась в нем по комнате, и ее смех сыпался, как горох. Я смотрел на нее и думал: вот оно, счастье. Живое. Теплое. И оно будет всегда.

Как же я ошибался.

Из обрывков детских воспоминаний (девочка):

Папа пахнет деревом и холодом с улицы. Мама ванилью. У брата руки всегда в царапинах. Он дал мне потрогать ежа. Колючий. А платье на день рождения гладкое. И шуршит. Когда я кружусь, оно летит за мной. Мама сказала, я буду как принцесса.

Мы строили домик под столом. У нас был фонарик. И печенье. Брат сказал, что это наш секрет. Никому нельзя.

На собрании было много детей. Мы рисовали. И пели. Там было не страшно. Там давали конфеты.

Перед сном мама всегда целовала в лоб. И папа. И брат. Три поцелуя. Если одного нет, я не могла уснуть.

На торте будет восемь свечек. Я загадаю желание. Чтобы так было всегда. Чтобы мама, и папа, и брат. И наш дом. И запах пирога. Чтобы всегда.

Глава 2. Дверь, которой не было

В памяти не осталось ни дня недели, ни времени года. Только звук.

Стук, который не был стуком. Он не просил войти. Он выламывал. Короткие, чугунные удары, от которых задрожали стены и посыпалась невидимая пыль прошлого. Это был звук конца мира, и ему было все равно, что мир еще не был к этому готов.

Из обрывков детских воспоминаний (девочка): Стук. Мама вскрикнула. Не громко, а так, будто подавилась воздухом. Папа замер посреди комнаты. Он только что смеялся. Я помню. Смех застрял у него в горле. А потом были сапоги. Черные, грязные, на нашем светлом паркете, который мама натирала до блеска. Их было много, этих сапог. Они несли с собой запах холодной улицы, табака и чего-то еще, незнакомого и злого. Запах не дома.

Дверь, которую они не открывали, распахнулась сама. Ее не было. Для тех, кто вошел, не существовало ни дверей, ни замков, ни права на тишину. Они двигались по дому как хозяева чужого несчастья. Люди в черной форме и один в штатском, с брезгливым лицом.

Из внутреннего монолога матери: Только бы дети не испугались. Только бы они не заплакали. Я пытаюсь им улыбнуться, но губы не слушаются. Становятся деревянными. Я хочу заслонить их собой, укрыть, спрятать обратно в то утро, где солнце рисовало полосы на стене. Но между мной и ними уже стоят эти сапоги. Я смотрю на лицо следователя. Пустое. Как будто он смотрит не на людей, а на мебель, которую нужно описать и вынести. «Спокойно, — говорит муж. — Это ошибка». Но я вижу по его глазам, что он не верит своим же словам. В его голосе уже нет металла, только дребезжание разбитого стекла.

Хаос был упорядоченным, оттого еще более страшным. Они не громили все подряд. Они методично, по-деловому, выворачивали жизнь наизнанку. Открывали шкафы, вытряхивали белье, которое еще пахло домом. Листали детские книжки с такой брезгливостью, будто искали яд между страницами со сказками. Один из них взял в руки розовое платье, то самое, на день рождения. Подержал мгновение и бросил на пол, в грязь от сапог.

В этот момент отец шагнул вперед. Всего один шаг. Он ничего не сказал. Но этого хватило. Двое в форме заломили ему руки за спину. Короткий, сухой звук удара. Мама закричала

по-настоящему, и этот крик, наконец, прорвал оцепенение. Брат бросился к отцу, но его отшвырнули.

Последнее, что увидели дети, — это лицо отца, прижатое к полу, и кровь, медленно расплывающаяся по светлому паркету. И руки матери в наручниках.

Потом появились другие. Две женщины с усталыми, безразличными лицами. Одна из них сказала фразу, заученную и чужую: «В интересах несовершеннолетних...»

Из постановления Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав от [ДАТА УДАЛЕНА] г.: В связи с задержанием родителей, [ФАМИЛИЯ УДАЛЕНА] и [ФАМИЛИЯ УДАЛЕНА], по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282.2 УК РФ (Организация деятельности экстремистской организации), и невозможностью исполнения ими родительских обязанностей, принято решение о немедленном изъятии несовершеннолетних детей, [ИМЯ УДАЛЕНО], [ДАТА РОЖДЕНИЯ УДАЛЕНА], и [ИМЯ УДАЛЕНО], [ДАТА РОЖДЕНИЯ УДАЛЕНА], из семьи и временном помещении их в Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних до принятия дальнейших решений. Основание: угроза жизни и здоровью детей, риск вовлечения в деструктивную деятельность.

Они уводили их. Девочка обернулась. Она хотела запомнить дом. Но дома уже не было. Было разграбленное пространство, пахнущее страхом и чужими людьми. На полу валялись разбросанные книги.

Следователь в штатском закончил опись.

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

[ДАТА УДАЛЕНА] г.

В ходе обыска по адресу [АДРЕС УДАЛЕН] обнаружено и изъято:

1. Литература религиозного содержания (Библия в Синодальном переводе и в «Переводе нового мира») — 7 экз.
2. Брошюры и журналы издательства «Сторожевая башня» — 8 экз.
3. Личные дневники с рукописными записями — 2 шт.
4. Детские рисунки с религиозной символикой (изображения ангелов, сцен из Библии) — 12 л.
5. Ноутбук марки [МАРКА УДАЛЕНА] — 1 шт.
6. Денежные средства в размере [СУММА УДАЛЕНА].

Следователь, тот, что с брезгливым лицом, позже объяснит адвокату суть их преступления. Он скажет это просто, почти буднично, как будто объясняя правило дорожного движения. «Друзья приходили, значит, организовались. Читали вместе Библию, значит всё, организовались». — *Из показаний свидетеля по делу.*

Это было последнее, что они слышали о логике этого нового мира. Мира, в котором любовь к Богу стала составом преступления, а совместное чтение книги — организацией экстремистского сообщества.

Когда машина тронулась, девочка прижалась лицом к холодному стеклу. Она не плакала. Слезы замерзли где-то внутри. Она смотрела на окно своей комнаты, на занавески, через которые еще утром солнце рисовало на стене полосы. Теперь за ними была пустота.

В тот день они стали вещами. Изъятыми. Описанными в протоколе. Их вели через дверь, которой для вошедших не существовало. Но для них, уходящих, эта дверь захлопнулась навсегда, отрезав их от мира, где от маминых волос пахло яблочным шампунем.

Глава 3. Казенный дом

«От большого дома, от множества других детей, от незнакомых взрослых осталось только одно странное, необъяснимое ощущение... будто их, как сломанные вещи, выбросили за ненадобностью».

Запах. Первое, что осталось в памяти, это запах. Не маминых пирогов и не морозной свежести, которую приносил с улицы отец. Этот запах был плоским, химическим. Запах хлорки и кислой капусты. Он въелся в стены, в грубые простыни, в волосы. Он был повсюду. Запах казенного дома, где все общее, а значит ничье.

Звуки. Ночью спальня на сорок девочек не замолкала. Она жила своей жизнью, скрипела пружинами кроватей, дышала в унисон, кашляла, всхлипывала в подушку. Кто-то тихо звал маму. Я тоже звала. Про себя. Потому что громко звать было нельзя. Громко здесь было нельзя ничего. Днем гулкие коридоры съедали шаги, превращая их в одинокое эхо. И был еще один звук, звон ключей в руке воспитательницы. Металлическое обещание, что сейчас что-то откроется или закроется. Обычно закроемся.

Мама. Я закрываю глаза, сильно-сильно, до звездочек, и пытаюсь вспомнить ее лицо. Получается все хуже. Как будто кто-то стирает его невидимым ластиком. Картинка дрожит, расплывается. Остаются только руки. Теплые. И запах яблочного шампуня от ее волос, когда она обнимала меня перед сном. Я стараюсь удержать этот запах, вдыхаю его из своей подушки, которая пахнет хлоркой и чужими слезами. Не получается. Память — это вода в ладонях. Она утекает.

Нас называли «детьми сектантов». Это было наше новое имя. Оно было хуже любого ругательства. Оно означало, что мы испорченные, заразные, «не такие». Воспитатели смотрели на нас с брезгливой жалостью. Или с ненавистью. «Дети преступников», «маленькие зомби». Эти слова летали по коридорам, цеплялись за нас, становились нашей второй кожей. Нас учили стыдиться тех, кого мы любили больше всего на свете.

Раз в неделю меня вызывали на «беседу». В маленький кабинет, где пахло пылью и старыми бумагами. Там сидела женщина с бесцветными глазами и гладко зачесанными волосами. Ее называли психологом. Она говорила ровным, безжизненным голосом, будто читала инструкцию.

«Ты должна понять, девочка. Твои родители заблудшие люди. Они попали под вредное влияние, которое разрушает личность. Наша задача помочь тебе. Избавить тебя от этого

деструктивного наследия, чтобы ты могла вырасти нормальным, здоровым членом общества».

Я молчала. Я научилась молчать. Слова были опасны. Любое слово могли вывернуть наизнанку. Я смотрела на трещину на потолке, похожую на реку, и повторяла про себя папины слова: *«Мы никому не делаем зла. Мы просто верим в Бога по-своему»*. Это была моя молитва. Моя крепость.

Женщина вздыхала.

«Ты не хочешь говорить. Это типичный защитный механизм. Внушенный блок. Ничего, мы будем работать. Мы должны изгнать из тебя этот демонический культ».

Однажды она протянула мне картинку. На ней церковь с золотыми куполами.

«Вот истинная вера. А то, чему учили тебя родители, — это обман. Это грех. Ты должна молиться о спасении их душ. И своей тоже».

Я смотрела на картинку. А видела другое.

...Солнечный луч пробивается через тюль и лежит на паркете. Пылинки танцуют в нем, как золотые искорки. Я кружусь в своем новом розовом платье, которое мама сшила мне на день рождения. Восьмой. Оно шуршит. И я смеюсь. А папа смотрит на меня и тоже смеется. И брат хлопает в ладоши. Весь дом наполнен светом и смехом. И пахнет тортом. С восемью свечками...

— Ты меня слышишь? — голос женщины вернул меня в пыльный кабинет.

Я кивнула.

— Ты будешь молиться?

Я снова кивнула. Я знала, что от меня хотят услышать. Я научилась быть такой, какой меня хотели видеть. Снаружи. А внутри, в самой глубине, я строила домик. Из воспоминаний. Туда никому не было входа. Там папа читал мне на ночь, мама пела колыбельную, а брат делился последним печеньем.

Но иногда они приходили и туда. Во сне. Люди в черных сапогах. Они снова выламывали дверь, и я просыпалась от собственного крика в холодной, скрипучей кровати. Рядом недовольно ворочались другие девочки. И я зажимала рот рукой и плакала беззвучно.

Плакала о том, что лицо мамы становится все более размытым. Что я начинаю забывать голос отца. Система не просто ломала. Она стирала. Методично, день за днем, капля за

капель. Запах хлорки вытеснял запах пирогов. Скрип кроватей — мамин смех. Казенная серость — золото солнечного луча на полу в нашей гостиной.

Они хотели сделать из меня чистое поле. Чтобы потом посадить на нем свои, правильные семена.

Но даже на выжженной земле иногда пробивается трава. Я лежала, глядя в темное окно, и шептала имена. Мама. Папа. Брат. Это было все, что у меня осталось. Мое единственное, настоящее имя.

Глава 4. Пропась

Тишина.

После грохота выломанной двери, криков, лязга наручников и плача, который они уносили с собой, как последнюю ноту оборванной жизни, наступила тишина. Камерная. Плотная, ватная, густая, как тюремная похлебка. Она оглушала сильнее любого шума. В этой тишине не было детского смеха, не было шуршания страниц, не было запаха яблочного шампуня. В ней не было ничего. Пустота.

Мир сузился до четырех стен, до металлической шконки и тусклого света лампочки под потолком. Время перестало течь. Оно застыло, превратившись в один бесконечный день, в один бесконечный вопрос, который бился в висках, не давая спать, не давая дышать.

Где они? Что с ними сейчас?

Из внутреннего монолога отца: Я закрываю глаза и вижу их. Ее в том розовом платье. Сына с его вечными царапинами на руках. Я пытаюсь удержать их лица, но они расплываются, как акварель под дождем. Я прокручиваю в голове каждую секунду того дня. Каждое слово. Каждое движение. Где я ошибся? Что я должен был сделать? Броситься на них? Умереть на пороге собственного дома? Заслонил бы я их тогда? Следователь сказал: «Забудьте о них. О них позаботится государство». Он сказал это с такой усмешкой... будто государство — это он. И я понял, что мы упали в пропасть. А дети... дети упали вместе с нами, только в другую, еще более страшную тьму.

Их битва началась не в суде. Она началась внутри. Битва за то, чтобы не сойти с ума. За то, чтобы помнить. За то, чтобы верить.

Первая встреча с адвокатом. Маленькая комната, стол, решетка. Адвокат, молодой, с уставшими глазами, раскладывал бумаги. Говорил казенными, чужими словами: «статья 282.2», «экстремистская деятельность», «апелляция», «ходатайство». Слова-камни. Они падали в тишину, не находя отклика.

Мать смотрела на него, не мигая. А потом тихо спросила: «Вы можете узнать, где мои дети?»

Адвокат отвел взгляд — «Это другой процесс. Опекa. Ограничение родительских прав. Сейчас главное ваше дело. Если мы докажем вашу невиновность...»

Она его больше не слышала. «Другой процесс». Будто ее жизнь, ее плоть и кровь, разрезали на папки с разными номерами.

Борьба превратилась в чтение. В чтение сотен страниц лжи. Протоколы допросов «свидетелей» соседей, которые вчера улыбались, а сегодня «вспомнили», что из квартиры доносились «странные песнопения». «Экспертные заключения» о том, что Библия в их руках инструмент вербовки, а детские рисунки ангелов доказательство «вовлечения несовершеннолетних».

Из материалов дела. Показания свидетеля [ФАМИЛИЯ УДАЛЕНА]: «...они вели замкнутый образ жизни, ни с кем не общались, постоянно собирались у себя в квартире с другими членами своей организации. Я считаю, что они обрабатывали своих детей, готовили их к чему-то плохому...»

Из внутреннего монолога матери: «Ни с кем не общались»... Галина Петровна, это вы? Вы, которая за солью забежала три раза в неделю? У которой сын с моим за одной партией сидел? «Готовили к плохому»... Я готовила их любить. Любить Бога, любить людей. А вы? К чему вы готовили своего сына, когда учили его врать? Я читаю эти листы и не чувствую ненависти. Только холод. Ледяной холод от того, как легко человек превращается в строчку в протоколе.

Адвокаты приносили распечатки международных отчетов, лучи света в их подземелье. Голоса из другого мира, где еще существовали право и здравый смысл.

«Вера Свидетелей Иеговы – не религиозный экстремизм, и власти должны без промедления прекратить гонения», — *Рейчел Денбер, заместитель директора Human Rights Watch по Европе и Центральной Азии*

Залы суда были похожи на аквариумы. Они сидели за стеклом, а жизнь шла где-то там, снаружи. Прокурор монотонным голосом перечислял их «преступления»: «совместное чтение религиозной литературы», «распространение вероучения», «вовлечение». Он говорил о них так, будто они были не живыми людьми, а винтиками в чужом, враждебном механизме.

Отец не выдержал. Он встал и, перебивая прокурора, закричал в сторону судейского стола: — Где наши дети?! Вы отняли у нас детей! Какое право вы имели?!

— Подсудимый, сядьте! Это к делу не относится — молотком стукнул голос судьи.

К делу не относится.

Их жизнь, их дети, их любовь, их боль — все это не имело отношения к делу. К делу относились только брошюры, изъятые при обыске.

Ночью, когда тюрьма затихала, они начинали писать. В обычные школьные тетради, которые передавал адвокат. Писать письма, у которых не было адреса.

Из неотправленных писем матери к дочери: *Моя звездочка, моя маленькая. Сегодня я весь день вспоминала, как ты смеешься. У тебя на щечке появляется ямочка, когда ты смеешься по-настоящему. Ты сейчас смеешься? Пожалуйста, скажи, что да. Солнышко, помнишь, мы читали про Даниила во рву со львами? Он не боялся, потому что знал, что Бог с ним. Я знаю, что Он и с тобой. Он не оставит тебя. Будь сильной, моя родная. Мама и папа очень тебя любят. Больше всего на свете. Милая, сегодня мне приснилось, что я заплетаю тебе косички. Твои волосы пахли нашим яблочным шампунем. Я проснулась, а запах все еще был со мной. Я не хочу, чтобы он уходил. Я дышу им. Я живу им.*

Из неотправленных писем отца к сыну: *Сынок, ты теперь мужчина. Старший. Пожалуйста, присматривай за сестренкой. Оберегай ее. Ты сильный, я знаю. Помнишь, как мы строили скворечник? Ты тогда занозил палец и терпел, не плакал. Я тобой очень гордился. Ты всегда был настоящим мужчиной. Не бойся ничего. Страх плохой советчик. Верь в добро. Оно сильнее, сынок. Оно всегда сильнее. Прости нас. Прости, что не смогли уберечь. Каждый день, каждую минуту я молюсь только об одном: чтобы вы были живы. Чтобы вы были вместе.*

Они писали в пустоту, в тишину. Эти тетради были их единственной реальностью. Единственным способом сохранить мир, который у них отняли. Они не знали, что их детей разлучили. Их неведение было последним, что оберегало их рассудок.

Борьба продолжалась. Апелляция за апелляцией. Жалоба за жалобой. Бумажный вихрь, в котором тонули их голоса. Они цеплялись за каждую юридическую зацепку, за каждое слово правозащитников. Но мир был далеко, а здесь, в камере, была только тишина, наполненная одним и тем же беззвучным криком:

Где вы, наши дети?..

Глава 5. От слова к трагедии

Трагедия не рождается из ничего. У нее всегда есть имя, архитектор и язык. В истории семьи, чей дом пах яблочным шампунем и счастьем, прежде чем запахнуть гарью и страхом, у этой трагедии есть конкретные создатели. Они не выламывали дверь сапогами. Они создали мир, в котором такой стук стал нормой. Они написали инструкцию к ненависти.

I. Конструкторы врага

В основе репрессивной машины лежит идеология, искусно упакованная в псевдонаучную оболочку «сектоведения». Ее ключевой архитектор в России Александр Дворкин. Именно он популяризировал термин «тоталитарная секта», не просто ярлык, а оружие, служащее для дегуманизации целой группы людей. Как отмечают эксперты, анализировавшие его труды, его риторика преследует одну цель доказать, что определенные верующие не являются людьми в полном смысле слова. Когда человек перестает быть человеком, он становится объектом. В своих публичных выступлениях Дворкин использовал именно такую лексику:

«Секты не обогащают людей, они только оттягивают от общества соки, ресурсы, вербуют людей, которых вырывают полностью из общественной жизни, оттягивают финансы из общества в свои собственные закрытые и непрозрачные системы. Все это напоминает раковую опухоль, которая тянет соки из организма, пока не убивает его — *Александр Дворкин*.

Схожие взгляды транслируют и некоторые представители Русской православной церкви, поддерживающие «антикультовое» движение. По словам Протоиерея Александра Новопашина вице-президент РАЦИРС, **«секты подходят для того, чтобы нести деструкцию... на уровне личности, семьи, общества и государства.»**

Когда риторика ненависти становится мейнстримом, трагедия неизбежна.

II. Механизм легитимации

Идеология осталась бы маргинальной теорией, если бы не ее интеграция в государственный аппарат. С 2009 года Александр Дворкин занял пост председателя Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при

Министерстве юстиции Российской Федерации. Частное мнение «сектоведа» получило статус официальной экспертизы. Началась эпоха «заказных заключений», которые ложились в основу судебных решений.

Это создало абсурдный юридический парадокс, который позже с недоумением констатировал сам глава государства, но машина уже работала автономно.

«Свидетели Иеговы тоже христиане, за что их преследовать, я тоже не очень понимаю» — *Владимир Путин, заседание Совета по правам человека, 11 декабря 2018 года.*

Решение Верховного суда от 20 апреля 2017 года о ликвидации всех 395 организаций Свидетелей Иеговы стало кульминацией. Запрет юридических лиц на практике превратился в запрет на веру для конкретных людей, что и предсказывали адвокаты.

III. Разрушение семьи как цель

Именно здесь большая политика «духовной безопасности» вторгается в мир семьи. Когда родителей объявляют «экстремистами», их дети автоматически попадают в категорию «находящихся в опасности». Их нужно «спасать», даже если спасение означает разрушение их мира и принудительное «избавление от деструктивного наследия» в стенах приюта.

Для семьи, потерявшей детей, одна жизнь — это вечность. Страх лишиться детей стал главным оружием. Он заставляет людей бежать, бросая все. Он ломает тех, кто остался.

В конечном итоге, крик отца в зале суда «Где наши дети?!» и холодный ответ судьи «Это к делу не относится!» — это квинтэссенция произошедшего. В мире, сконструированном «сектоведами», дети действительно не относятся к делу. Они лишь сопутствующий ущерб.

Несмотря на абсурдность обвинений, международные инстанции неоднократно указывали на незаконность преследования.

Суд установил, что определение "экстремизма" в российском законодательстве было чрезмерно широким и использовалось для уголовного преследования верующих и служащих религиозных организаций исключительно из-за содержания их вероучения. *Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России и другие против России», 7 июня 2022 г.*

Таким образом слово ненависти, произнесенное в кабинете «эксперта», становится протоколом обыска, затем приговором, а в конечном итоге стуком в дверь и тихим криком матери, у которой отнимают самое дорогое.

Эпилог. Тишина

С 2017 по 2024 год общее число обысков в домах Свидетелей Иеговы в России превысило 2150. Заведено более 800 уголовных дел. К реальным срокам лишения свободы приговорены сотни верующих. Семьи были разрушены, а судьбы многих детей, разлученных с родителями, остаются неизвестными.

Голос матери. Спустя пятнадцать лет.

Они приходят ко мне. Вечером. Когда солнце садится и тени в комнате становятся длинными, как руки. Я слышу их голоса. Совсем как тогда. Дочка смеется заливисто, до икоты. Сын что-то серьезно ей объясняет. Я ставлю на стол тарелки. Четыре. Наливаю суп. «Дети, ужинать!» кричу им в коридор. А в ответ тишина. Только часы на стене тикают. Раз, два. Раз, два.

Муж говорит, что их нет. Что прошло много лет. Он приносит мне таблетки. Горькие. От них в голове туман. В тумане их голоса слышны хуже. Поэтому я прячу таблетки под подушку. Мне нужно их слышать.

Иногда я достаю ее платье. То самое, розовое, как зефир. Оно сохранилось. Когда они все ушли, я вернулась в дом разграбленный, чужой и нашла его на полу. В грязи от сапог. Я отстирала. Оно до сих пор пахнет ею. Яблочным шампунем и безмятежностью. Я прижимаю его к лицу и дышу. Это все, что у меня есть. Этот запах.

Муж читает мне бумаги. Какие-то решения судов. Говорит, нас оправдали. Что нам вернут дом. А я слушаю и не понимаю. Зачем мне дом, если в нем тихо? Я хочу, чтобы они снова строили крепость из стульев. Чтобы снова разбили чашку. Я не буду ругать, честное слово. Только бы они вернулись.

Я знаю, что они вернуться. Просто задерживаются. Сын, наверное, опять заигрался с ребятами во дворе. А дочка... дочка рисует. Она так любила рисовать ангелов.

Я жду. Я хорошая мама. Я всегда жду своих детей.

Голос дочери. Ей двадцать три. Она говорит почти шепотом.

Я не люблю, когда меня трогают. Даже если это просто рука на плече. Я вздрагиваю. Тело помнит. Оно умнее головы.

Я работаю в архиве. Перебираю старые бумаги. Они пахнут пылью и временем. В архиве тихо. Это лучшая работа. Здесь никто не говорит громко. Никто не смотрит в глаза.

У меня нет зеркал. Я не знаю, как я выгляжу. Когда я умываюсь, я закрываю глаза. Мне не нужно это лицо. Оно чужое. Оно видело то, что не должно было видеть.

Я научилась быть вещью. Это просто. Нужно перестать чувствовать. Отключить все внутри. Смотреть на потолок. Там всегда есть трещинка. Можно следить за ней взглядом. Она похожа на реку. Или на дорогу. Куда она ведет? Я никогда не знала.

Иногда по ночам я просыпаюсь от того, что считаю. Раз, два, три... до десяти. Десять раз в день. Я не знаю, что это значит. Просто цифры. Они приходят сами.

Брат нашел меня. Три года назад. Он пришел в архив. Сказал: «Я искал тебя». У него глаза отца. Я не заплакала. Я разучилась плакать. Слезы это для живых.

Он говорит, что мы семья. Он принес фотографии. Мама, папа, какой-то мальчик и девочка в розовом платье. Девочка смеется. У нее на щеке ямочка. Я трогаю свою щеку. Там шрам.

Он говорит, что родители ждут. Что они любят. Я не знаю, что такое «любят». Это слово из книг. А я не читаю книг. Я перебираю бумаги.

Он хочет, чтобы я приехала. Я боюсь. Я боюсь запахов. Запах дома, запах еды. Он может что-то разбудить. То, что спит внутри. Если оно проснется, я умру.

Голос отца. Он сидит у окна и перебирает бумаги.

Я смотрю на жену. Она разговаривает с пустыми стульями. Я смотрю на сына. Он всю свою жизнь положил на то, чтобы найти сестру. Он нашел. Но она... она не вернулась. Она осталась там, в том подвале, считая до десяти.

Нас лишили не дома. Не имущества. Нас лишили времени. У нас украли пятнадцать лет жизни наших детей. Их смех, их первые двойки, их первую любовь. Кто вернет нам это? Какой суд?

Машина работала, потому что ее смазывали ненавистью. «Сектанты». «Клетка рака». «Деструктивный культ». Эти слова придумали люди. Конкретные люди. Они до сих пор на свободе. Читают лекции. Получают ордена.

А мой сын седой в тридцать лет. А моя дочь не помнит, как улыбаться. А моя жена живет в мире, которого нет.

Это вечность. Если это жизнь твоего ребенка.

Голос брата. Он говорит медленно, подбирая слова.

Я нашел ее. Я обещал себе, что найду. Я искал десять лет. Через волонтеров, через бывших полицейских, через тех, кто сидел. Я платил деньги. Много. Я работал на трех работах. Я не спал. Я смотрел в лица тысяч женщин на улицах.

Когда я вошел в тот архив, я сразу ее узнал. Не по лицу. По тому, как она сидела. Сжавшись. Будто хотела стать невидимой. Так же она сидела в машине опеки, когда нас увозили.

Я сказал: «Привет. Я твой брат». Она подняла на меня глаза. Пустые. Как будто смотрела сквозь меня. В ней не было ничего. Ни радости, ни страха. Пустота.

Я пытаюсь. Я приношу ей еду. Она почти не ест. Я рассказываю ей о детстве. О том, как мы строили домик под столом. Как я дал ей потрогать ежа. Она молчит. Иногда мне кажется, что она не дышит.

Мама ждет. Она верит, что сейчас откроется дверь, и мы войдем. Маленькие. С портфелями. Я не могу привезти ее к маме. Я не могу привезти маме эту тишину.

Я спрашивал ее, что там было. Один раз. Она долго молчала, а потом сказала: «Там был потолок». И все.

Я не знаю, что делать. Я нашел ее тело. А где ее душа? Кто ее вернет?

Иногда я ненавижу их всех. Тех, кто писал доносы. Тех, кто стучал в дверь. Тех, кто бил отца. Тех, кто судил. Тех, кто молчал. Я хочу, чтобы они увидели ее глаза. Пустые. Я хочу, чтобы они жили с этими глазами до конца своих дней.

Но потом я вспоминаю, чему учил отец. Ненавидеть нельзя. Ненависть сжигает тебя изнутри. Остается только пепел.

Я не хочу быть пеплом. Я хочу, чтобы моя сестра снова научилась смеяться. У нее была ямочка на щеке, когда она смеялась. Я помню.

Я буду приходить к ней каждый день. Я буду сидеть рядом. Молча. Может быть, однажды тишина заговорит. Может быть. Я должен верить. Ведь больше верить не во что.